

А. Н. Славская

Методология, теория и история психологии

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ С. Л. Рубинштейна

Философское обоснование развития

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Методология, теория и история психологии

А. Н. Славская

**Основы психологии С. Л.
Рубинштейна. Философское
обоснование развития**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Славская А. Н.

Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития / А. Н. Славская — «Когито-Центр», 2015 — (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0302-0

В книге осуществлен анализ этапов научного творчества Сергея Леонидовича Рубинштейна. Исследование показало, что переход от ранней философско-антропологической концепции к методологии наук, а затем к психологии и в конце жизни возвращение к философской парадигме человека в мире означал реализацию первоначального замысла ученого. Он ставил своей целью доказать истинность и эффективность своей исходной философской системы сначала для методологии научного познания, затем для построения основ психологической науки и далее для подтверждения и развития своей философской парадигмы. Задача С. Л. Рубинштейна, реализованная им на научном и организационном уровнях, состояла в интеграции отечественной психологии – объединении различных концепций отечественных философов и психологов, создании психологического сообщества, координации деятельности ведущих психологических центров и включении психологии в систему академической науки.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0302-0

© Славская А. Н., 2015

© Когито-Центр, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Ранняя концепция философской антропологии и онтологии С. Л. Рубинштейна как основание методологии точных, социальных и гуманитарных наук	15
1. Философская антропология в онтологической концепции С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов	15
2. Философское и научное определение познания и методологии наук в концепции 1920-х годов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

А. Славская
Основы психологии С. Л. Рубинштейна:
Философское обоснование развития

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

* * *

125-летию С. Л. Рубинштейна посвящается

Предисловие

Каждая философская концепция и каждая наука возникают в связи с потребностями нового этапа развития общества и типа отношений людей. Однако парадигма С. Л. Рубинштейна более чем на полвека опередила свое время, раскрыв лучшее в сущности человека – возможности его развития. Формирование этой концепции происходило не в «уютной тиши кабинета». С. Л. Рубинштейн включился в создание новой психологической науки, системы образования и в реорганизацию психологических центров, неуклонно на протяжении жизни решая задачи подготовки кадров психологической науки и развивая их способность творчески мыслить. Масштабы его практической деятельности были огромны: он создавал заново научно-исследовательские учреждения, объединял на новой научной основе институты и центры Украины, Одессы, Ленинграда, Москвы. Он стремился всеми силами обеспечить понимание и поддержку новых идей научным сообществом, содействовал его консолидации.

Эта огромная деятельность, продолжавшаяся почти полвека, только временами получала поддержку. По большей части его жизненный путь отмечен бесчисленными препятствиями, социальной изоляцией. В самом начале научного творчества против Рубинштейна выступила дореволюционная профессура, критикуя за распространение идей Маркса и Эйнштейна. После краткого периода успеха (1930-х и начала 1940-х годов) и общественного признания его заслуг – в начале 1940-х годов ему была присуждена Сталинская премия, он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и назначен директором-организатором и руководителем трех ведущих московских психологических центров (1942–1945), занимался организационной деятельностью, руководил научными исследованиями герценовского коллектива, создал две фундаментальные учебные монографии: «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940, 1946). Со второй половины 1940-х годов началась его травля, обвинения в бихевиоризме, антимарксизме, космополитизме вчерашними единомышленниками, которых он опекал в науке и поддерживал в жизни.

С. Л. Рубинштейн явился основоположником, создателем системы новой психологической науки XX в., разработал ее основы, опираясь на оригинальную фундаментальную философскую парадигму (онтологию и философскую антропологию), которую он развивал начиная с 1910–1920-х годов до 1960 г. Ему удалось вскрыть роль и значение своей диалектической, онтологической, философской концепции для психологической науки в качестве ее *методологии*. В результате того способа связи философии и психологии, при котором первая служила методологическим основанием построения второй, а последняя – научным доказательством и испытанием первой на подлинность и эвристичность, С. Л. Рубинштейн сумел, опираясь на марксизм, использовать его позитивные идеи и преодолеть его догматическую интерпретацию. Эту задачу он решал, находясь в тисках советской идеологии и при этом активно практически действуя – строя психологическую науку.

Парадоксальность, противоречивость и трагичность его судьбы заключалась в том, что его идеи, с одной стороны, опережали уровень философско-психологического мышления эпохи, были недостаточно поняты во всей своей глубине, с другой стороны, они внедрялись им и его трудами, организационной и педагогической деятельностью в бытие современной ему психологической науки, воспринимались и реализовывались психологами как «общенародное» знание, служили развитию психологии как науки в целом. Но сам он не только как автор концепции, но и как создатель на ее основе науки оценивался психологами как философ, а философами – как психолог, вопреки единству философии и психологии, которое ему удалось раскрыть в теории.

В последнее десятилетие жизни Рубинштейн оказался в атмосфере вынужденного одиночества и социального ostracisma. Он противостоял этому умноженной силой своего творче-

ства и энергичным научным объединением оставшихся с ним сотрудников и учеников. Смерть остановила его руку, заканчивающую последний труд жизни – «Человек и мир»¹. При всей его фундаментальности и высшей степени сложности он стал мировоззренческим опытом в преддверии оттепели.

Основные философские и методологические идеи, составлявшие концепцию С. Л. Рубинштейна *первого* периода его творчества, при его жизни не были известны, сохраняясь в его архивах. Завершающая его творческий и жизненный путь онтологическая концепция, включавшая философскую антропологию, стала известна лишь в 1970-х годах. Поэтому при жизни в философских кругах С. Л. Рубинштейн не считался философом, хотя основные труды лучших периодов его жизни – 1930-х и 1950-х годов – снискали ему роль лидера *психологической науки*. Сердцевиной его творчества 1930–1940-х годов были три труда, в которых представлена новая система психологической науки – *ее основы*: это «Основы психологии» (1935), «Основы общей психологии» (1940, 1946) и предшествующая им статья о положениях К. Маркса, которые, как он доказал, составили философскую *основу новой* отечественной психологии. Эти труды образовали систему, на которую опирается подготовка психологических кадров. Эта система была единодушно признана как наиболее развернутое, глубоко обоснованное представление психологической науки психологическим и академическим сообществом.

Однако труды последнего периода жизни С. Л. Рубинштейна – три его монографии: «Бытие и сознание» (1958), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959) – и рукопись книги «Человек и мир» (1973) – представлялись, в силу кризиса психологической науки и социальной изоляции автора, как бы оторванными от предшествующих трудов, хотя и содержали принципы, идеи и теории, немедленно вошедшие в психологическую науку.

Вся школа С. Л. Рубинштейна преимущественно реализовала и развивала ряд направлений его концепции, а его ученики – К. А. Абульханова и А. В. Брушлинский – восстановили основные идеи его философско-психологической и психолого-методологической концепции, раскрыли ее значение, роль и место в психологической науке и отечественной философии. Задачи восстановления неизвестных идей С. Л. Рубинштейна, расшифровки последнего труда его жизни, раскрытия связи психологической концепции с философской парадигмой осуществлялись практически в течение полувека. Дальнейшее развитие всех направлений его многогранной концепции и ее ретроспективное историческое воссоздание осуществлялось его учениками и всей его школой. Однако они сами должны были «дорости» до уровня мышления своего учителя и, доказывая свою роль на новом этапе развития отечественной психологии, противостоять бывшим «единомышленникам» С. Л. Рубинштейна, стремившимся сразу после кончины ученого забыть или исказить выдвинутые им идеи.

В связи с объемностью и сложностью этих задач и необоснованностью попытки немедленного их решения одновременно на всех уровнях (философском, методологическом, психологическом, теоретическом и эмпирическом), не все открытия разных периодов были «вычерпаны» (термин С. Л. Рубинштейна). Его творческое наследие до сих пор остается неискаемым источником для новых исследований.

Данное исследование посвящено восстановлению малоизученного первого (философско-психологического) периода творчества С. Л. Рубинштейна (1910–1920-е годы) и его роли как философско-методологического *основания* следующего периода (1930–1940-е годы), на

---

¹ Однако для того, чтобы рукопись была опубликована (1973) и затем начала переиздаваться, потребовался сложнейший труд ее расшифровки, комментирования и «адаптации» к еще царившей в 1960-е годы атмосфере *канонизированного марксизма*.

протяжении которого С. Л. Рубинштейн заложил основы и разработал целостную систему отечественной психологической науки.

Наше первое исследование творчества С. Л. Рубинштейна раннего периода было направлено в основном на выявление методологического соотношения философских и психологических идей. В данной работе предпринята попытка рассмотрения его творческого пути *как целого*, состоящего из поставленной самим С. Л. Рубинштейном цели и подчиненных ее достижению различных взаимосвязанных задач на разных этапах его творчества. Решение каждой из этих задач осуществлялось им во временной исторической (и биографической) последовательности и, главное, в связи с философской и научной целью, которую он поставил в самом начале своего творческого пути, а достиг в конце своей жизни в своем последнем труде.

Воссоздание целостности философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна в историческом плане осложняется тем, что внешне периоды его творчества представляются различными по своему характеру: философско-методологический (1910–1920-е годы) сменяется психологическим (1930–1940-е годы), а период 1950-х годов снова завершается возвратом к разработке философской концепции, поэтому может создаться впечатление о оторванности этих периодов, об их несвязанности друг с другом.

Целостность же всего его творческого пути определяется, согласно нашей гипотезе (опирающейся на уже проведенное исследование первого периода его творчества), тем, что в его начале С. Л. Рубинштейн разрабатывает *основы* создания *новой системы* психологической науки (отразив это в самих названиях своих трудов 1930–1940-х годов), а в конце жизни (1950-е годы) превращает психологическую науку в *основание* своего доказательства *новой философской онтологической концепции*.

Открыв новую онтологическую интерпретацию человека и его бытия как *субъекта* в мире, Рубинштейн фактически распространяет эту идею на раннее исследованную им личность как *субъекта жизнедеятельности*, преодолевающую ее реальные противоречия – как субъекта оптимистического и одновременно трагического – путем реализации отношения к ней с позиций утверждения свободы, справедливости, человечности в жизни, в отношениях людей, в другом человеке, в обществе.

Иными словами, уже на самом раннем этапе своего творчества С. Л. Рубинштейн создает *целостную* философскую концепцию. Затем применяет ее к психологии, доказав ее верность и конструктивность созданием новой системы психологической науки. Фактически он разрабатывает *основы* психологии как новой целостной системы. И затем, подтвердив основы своей философской концепции на примере конкретной психологической науки, он создает *новую* философскую парадигму.

Вопрос, как складывается *целое* из составляющих, разработанных последовательно во времени, представляется не простым, тем более что отдельные творческие этапы ученого связаны с разными *жизненными* пространствами: Марбург – Одесса – Москва. Они в известной мере обособляются, потому что обстоятельства жизни, профессиональные задачи на каждом этапе были *различны*. Рубинштейн начинает свой творческий путь как философ, затем становится ведущим психологом отечественной науки и, наконец, в конце жизни, не прерывая своей профессиональной деятельности психолога, снова заявляет о себе как философ. Не является ли жизненный путь ученого в таком случае замкнутым кругом или, напротив, разорванными во времени этапами?

Согласно нашим представлениям, можно интерпретировать творческий путь С. Л. Рубинштейна как единое целое не во времени, а в аспекте *единой* цели, которая реализовывалась последовательно на разных этапах его творческого пути. Таким образом, в самом его начале он создает такую целостную философскую концепцию, которая имплицитно содержит методологические возможности – *основы* – для построения новой психологической системы, ее основ, а эта научная система, в свою очередь, служит *основой* развертывания философской

концепции в новую философскую парадигму. «Основы» – главное понятие в логике *интеграции* целостности творчества С. Л. Рубинштейна. Конкретно эти основы воплощены в «Основах психологии» и «Основах общей психологии». Целостность творчества С. Л. Рубинштейна заключается в разработке сначала философской концепции, которая выступила предпосылкой создания *основ* психологии, а последние, в свою очередь, становятся опорами для создания новых, *философских основ*. Связующим механизмом в диалектике этих переходов является *методология*, к разработке которой С. Л. Рубинштейн приступает еще в Марбурге как к *проблеме метода*. Затем, применяя ее к философским проблемам, на основе их решения он выявляет *новые возможности методологии*, которые реализуются им как способ построения психологической науки. В последней он выявляет *специфическую* для нее методологию, которая обобщается им и обеспечивает переход от *конкретно-научного* уровня психологии к *философскому* – к философско-антропологической онтологической парадигме.

С. Л. Рубинштейн искал *путь* и *способ* построения многоуровневой и всесторонней концепции бытия, т. е. онтологии, и стремился к определению в ней специфического *места человека как субъекта* (философской антропологии). Положения рукописи 1910–1920-х годов предстают как *констатирующие сущность проблемы*. В «Ранних рукописях» 1910–1920-х годов он сформулировал это как тезис. А уже в 1920-х годах, понимая, что этот тезис до некоторой степени представляет собой гипотезу, обратился к поиску *метода ее доказательства*, к объяснению этих фундаментальных идей. Поэтому как философ С. Л. Рубинштейн обращается к психологической науке, в которой, прежде всего, разрабатывает проблемы *методологии науки*, чтобы найти в них способ обоснования открытых им сущностей бытия человека и субъекта.

Ключевыми, обеспечивающими смысловое целое творчества С. Л. Рубинштейна, как мы предполагаем, являются *имплицитные* и *эксплицитные* методологические принципы, особенности которых исследуются в данной работе. Под имплицитностью мы подразумеваем такой способ научного рассмотрения проблемы, той или иной психической «способности» (восприятия, памяти, сознания и т. д.), который содержит его трактовку (*интерпретацию*) без ее развернутого обоснования, объяснения и т. д., но который отвечает замыслу целого – решаемой задаче, выше обозначенному *целому*, связан с другими методологическими принципами. Так, например, с определенного момента С. Л. Рубинштейн начинает рассматривать сознание, *не* развертывая доказательство его связи с личностью, а подразумевая в способе определения данного феномена его *принадлежность личности*. Такой способ определения и исследования, связанный с подразумеваемым, но *не эксплицируемым* подходом, мы называем *интерпретацией*.

К проблеме интерпретации как предмету психологического исследования мы обратились в связи с участием К. А. Абульхановой в работе по расшифровке рукописи «Человек и мир» С. Л. Рубинштейна, которая затем была опубликована ею в виде монографии «Человек и мир».

Трудность расшифровки текста рукописи была связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, С. Л. Рубинштейн, будучи больным, писал лежа, неразборчиво, а некоторые предложения нарочито не заканчивал в силу их идеологической остроты. Поэтому приходилось восстанавливать смысл текста из отдельных слов, а значение слов – из текста, расшифровывать и пометки, сделанные автором на полях томов Гегеля, Гуссерля, Канта, Спинозы, Кассирера и мн. др. авторов, изданных на немецком языке. Во-вторых, вторая часть рукописи с целью шифровки смысла текста, противоречившего официальной марксистской догме, была написана в форме отдельных фрагментов, часто носящих дневниковый характер. Временами автор выражался эзоповским языком, особенно критикуя догматические положения советской философии. Это усложняло задачу восстановления аутентичного содержания текста его ученице, К. А. Абульхановой. А затем она сразу осуществляла вторичную «маскировку», сглаживая остроту ряда новых философских положений путем их комментирования. Она утвер-

ждала, что совершенно новые онтологические, антропологические идеи Рубинштейна якобы соответствуют марксовской концепции. Без этого рукопись никогда не была бы опубликована².

Именно осуществление К. А. Абульхановой этих *противоположных* процессов – расшифровки подлинного содержания текста и его зашифровки – и привлекли наше внимание к роли *интерпретации* и привели к ее выявлению в трудах С. Л. Рубинштейна, в герменевтике, в методологии науки, в психологии и как способности личности³.

Первый труд С. Л. Рубинштейна отвечал *направленности марбургской школы* на поиски *метода, объединяющего гуманитарные и точные науки*. Рубинштейн обращается к философским проблемам онтологии и антропологии в 1910–1920-х годах, что составляло ядро его ранней концепции человека. В ней, наряду с этическим отношением к другому человеку, деятельности и жизни, проблемы *познания* выступают как *одно* из отношений человека к миру.

Далее проблемы познания он конкретизирует в исследовании *процесса и метода научного познания* целого ряда гуманитарных, точных, социальных наук (в духе Марбургской школы). Процесс и способ научного познания рассматривается им как *методология наук*. Но его интерпретация методологии отличается от идеи синтеза точного и гуманитарного знаний, единства их метода, которого искала Марбургская школа. Он ищет такую *целостность познавательной системы*, которая соответствовала бы *онтологическому качеству объекта наук* и новому способу, методу их объяснения, соединяющему то, что исследуется, с тем, как исследуется. Философские положения «Ранних рукописей» преобразуются – объясняются как метод познания бытия в широком смысле, т. е. *методологически*. Сущность – онтологическое качество *объекта познания науки* не дана непосредственно, а философски описывается в самом общем (пока абстрактном) виде, и *методология становится интерпретацией*. «Философские рукописи» 1910–1920-х годов могут рассматриваться как содержащие своеобразную философскую *гипотезу*, а последний философский труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» конца 1950-х годов – как осуществленные на почве *конкретной науки – психологии* – ее проверка и доказательство.

В круг идей 1920-х годов, казалось бы посвященных исключительно познанию, методологии наук, внезапно «врывается» тема субъекта («Принцип творческой самодеятельности», 1922), которая уже разработана в ранней философской концепции, и на ее основе происходит обращение к *психологическим работам* Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера. Рассматривая в 1920-е годы *всю совокупность наук* – психологию, физику, математику, социологию, он выбирает ту, которая наиболее адекватна его философской концепции, в которой человек исследуется в *качестве субъекта*, а его бытие – в качестве жизни личности. Это, по нашему предположению, свидетельствует о том, что анализ процесса познания, *особенностей его метода* и системы осуществлялся С. Л. Рубинштейном не случайно, а с целью связать *методологию познания* с психологией, перейти на *более конкретный уровень* исследования *метода науки*, с одной стороны, и с концепцией субъекта 1910–1920-х годов, с другой.

Однако важно и то, что уже в 1920-е годы Рубинштейн различает, дифференцируя *метод* и *методологию познания* и *науку*, как *систему знаний*. Это различие характерно и для его работ 1930-х годов, когда в психологии он дифференцировал методологические *способы познания* и их *результат – систему знаний*.

Задачей данной работы является прослеживание *внутренней методологической связи* его философско-психологического и научного пути.

Эту связь образуют, по нашему предположению, *методологические принципы*, которые обеспечивают *непрерывность интерпретации философских положений* и проблем метода и

---

² Первоначальное мое участие заключалось в расшифровке написания отдельных слов. С 1981 г. я начала изучение архива, уже сданного в отдел рукописей ГБЛ, результатом чего стало написание диплома под руководством В. А. Кольцовой, посвященного исследованию ранних трудов С. Л. Рубинштейна.

³ См.: Славская А. Н. Личность как субъект интерпретирования. Дубна: Феникс, 2002.

методологии ряда наук, в частности психологической науки, что обеспечивает превращение *результатов научного познания* в новое качество – *систему знаний науки (психологии)*. Эти превращения в одних случаях специально объясняются, доказываются, в других – подразумеваются. Мы обозначили их и дифференцировали как *эксплицитные* и *имплицитные* методологические принципы и положения концепции С. Л. Рубинштейна, развивавшейся на протяжении полувека. Их прослеживание позволяет осуществить анализ истории и поступательного *непрерывного* развития рубинштейновской философско-психологической концепции. Они являются способами научного *познания как процесса* и организуют его результаты в *систему знаний*. Благодаря этому создается непротиворечивость соотношения в психологии *научного познания и знания*, связанная с ранее разработанной философско-антропологической парадигмой субъекта.

Встает парадоксальная проблема: каким образом, сложившись сразу как *завершенная* система, философская концепция субъекта, построенная С. Л. Рубинштейном в 1910–1920-х годы, не остается *неизменной* на протяжении почти полувека его научного творчества, а порождает все *новые* идеи, направления, принципы *развития психологии*, с одной стороны, и *остается* ее фундаментом – с другой? Творчество С. Л. Рубинштейна, охватывающее практически половину столетия, в силу этого представляет своеобразную систему, непрерывно разворачивающуюся, открывающую методологическую перспективу новым исследованиям, т. е. *парадигму*, которая может обеспечить *смену методологических задач* в связи с изменениями социального контекста, и, главное, отвечает исходной *философско-методологической* цели С. Л. Рубинштейна. Мы исследуем, как она влияет на *процесс познания в психологии* и на *преобразование* его результатов в *качественно иную форму* – уже сложившегося *знания*, которое, сохраняя свою *определенность* как науки, одновременно открывает перспективу дальнейшему *процессу* познания. В этом отношении парадигма представляет собой связь *нового*, достигаемого познанием, и уже сложившегося, определенного, *устойчивого*, что характеризует любую науку.

Интерпретация, на наш взгляд, отвечая принципу релятивизма, относительности в теории Эйнштейна, в самом широком смысле слова обеспечивает соотношение *изменчивого* – в самой действительности и науке о ней – и *устойчивого*, т. е. установленных в *результате* исследований качеств, объектов, их закономерностей, которое, на первый взгляд, кажется противоречием.

Однако психологическая наука, в которую в 1930-х годы С. Л. Рубинштейн вступил фактически сразу в качестве лидера, находилась в этот период в сложном, кризисном состоянии. Она переживала одновременно два кризиса: общеизвестный, состоящий в противостоянии направлений – психологии сознания и бихевиоризма; и второй – *идеологический*. Создание новой «советской» науки на основе положений марксизма затруднялось недостаточно глубоким знакомством с ними психологов, неясностью способа их приложения к уже существующему в психологии знанию. Преодоление Рубинштейном первого кризиса известно, поэтому мы останавливаемся на анализе второго, идеологического кризиса.

Рубинштейну нужно было решить более сложную, идеологически важную задачу – определить, что в концепции К. Маркса является важнейшим для психологии. В силу того что интерпретация трудов и идей К. Маркса представлялась в те годы искажением содержания его концепции, нужно было выявить, во-первых, те ее положения, которые терминологически, текстуально и содержательно относились к психологии, во-вторых, идеи, содержащиеся преимущественно в ранних рукописях Маркса, которые служили бы подтверждением *уже созданной* С. Л. Рубинштейном его собственной философской концепции. Но онтологический подход, составлявший основу концепции С. Л. Рубинштейна, не отвечал утвердившимся в советском марксизме понятиям материи и бытия, поскольку они относились к официальному историческому материализму в диаде «бытие и сознание». Понятие же человека, тотально отсутствующее в советской философии, приравнивалось к идеологически неприемлемым концепциям

философской антропологии. Поэтому методологически задача, решавшаяся С. Л. Рубинштейном в период 1930-х годов, была сверхтрудной и осуществлялась в значительной степени *имплицитными*, т. е. подразумеваемыми, но не открыто утвержденными идеями, способами «перевода» К. Маркса на «язык психологии». Он извлек из марксового учения категорию *труда*, вычленив его из контекста политэкономической теории и внедрив уже в новом качестве – *деятельности* — в новый контекст – в психологию: в систему ее категорий и закономерностей. Так он *реинтерпретировал*⁴ понятие труда в понятие деятельности. Но одновременно, выделив разные качества труда, он раскрыл его, согласно К. Марксу, как природную способность, природные силы *индивида*, т. е. фактически *личности*, тем самым обнажив связь с психологией и далее *подразумевая* личность как субъекта *деятельности*. В 1930-х годах в статье о роли идей Маркса для психологии он фактически объясняет и «легализует» возможность употребления этого понятия в психологии⁵.

Единство сознания и деятельности становится *эксплицитным* методологическим принципом, составившим основу практически 20-летнего периода плодотворного развития психологии. Однако *единство* сознания и деятельности достигается неприменением союза «и». С. Л. Рубинштейн, *подразумевая* субъекта, пока не объясняет, не обосновывает основания этого единства. Ранее введенная Рубинштейном категория субъекта, посредством которой он и «снял» противоречие тезиса и антитезиса, лежавшее в основе кризиса, останется *имплицитной* (хотя в качестве понятия нередко упоминается на страницах «Основ психологии» (1935) и «Основ общей психологии» (1940, 1946)). Принцип же единства сознания и деятельности функционирует в психологии как *эксплицитный*, а основание единства – субъект – ранее *эксплицитный*, остается *имплицитным*, не *объясненным* для психологов. Почему? Научное «доверие» к этому принципу возникло тогда в связи с тем, что посредством него был разрешен второй кризис психологии. Но ввести в психологию понятие субъекта, в то время как традиционно ведущими были понятия сознания и поведения, а понятие личности почти не употреблялось, было невозможно. Рубинштейн опирается на него внутренне в утверждении единства сознания и деятельности. Но он *не мог* положить его в основу новой психологии как *научной системы знаний* в первом варианте «Основ психологии» (1935).

Соотношение имплицитных и эксплицитных принципов в его концепции составляет операциональное конструктивное, тактически стратегическое содержание методологии науки, ее «технологии».

Однако в целом имплицитность принципа субъекта у Рубинштейна *подразумевают* уже *философски доказанный принцип*, который в тексте существует в скрытой, подспудной форме, однако выступая как способ постановки и исследования психологических проблем.

В утверждении роли для психологии принципа единства сознания и деятельности С. Л. Рубинштейн в «Основах психологии» рассмотрел «единицы» сознания, связывая его с субъектом лишь при определении предмета психологии. В «Основах общей психологии» он вывел на первый план деятельность и в значительной мере – личность. Пользуясь терминами последних лет, он «поворачивал» то сознание, то деятельность разными сторонами, «вычerpывая» из них разное содержание для раскрытия их связи, которую он начал исследовать уже экспериментально во второй половине 1930-х годов с коллективом сотрудников ленинградского герценовского педагогического института.

Связь сознания и деятельности Рубинштейн исследует экспериментально на *методологическом основании развития*. Стратегия многочисленных исследований (предметом которых

⁴ Термин П. Рикёра.

⁵ Насколько непросто было ввести эту категорию в психологию, говорит даже тот факт, что существует, по нескольким международным подсчетам, не менее 250 определений значений понятия труда, но все его конкретные трактовки еще никак не определяли того, как и в каком качестве должна быть рассмотрена деятельность в психологии, не говоря уже о сложности интерпретации труда как деятельности.

являлись и восприятие, и память, и речь, и мышление) заключалась в том, что функционирование каждой психологической «единицы» (восприятия, речи, сознания и т. д.) включалось в осуществление деятельности, что приводило к их развитию и совершенствованию. Деятельность выступала в качестве условия, способа, причины развития всех психических функций. Здесь совершенно очевидна связь с формулой 1922 г., представленной в статье «Принцип творческой самодеятельности»: в деятельности субъект проявляется, реализуется и *развивается*. Здесь эта формула исследуется и доказывается экспериментально. Это была уже эмпирическая *интерпретация* роли деятельности как развивающей по отношению к сознанию (и его «составляющим», «образующим»).

«Центр тяжести» в основе своей концепции 1930-х годов Рубинштейн переносит с субъекта на его деятельность и по причинам научно-психологическим, ведь деятельность является *многокачественным, полифункциональным* проявлением субъекта, а это позволяло ему строить разнообразные «уравнения» при ее изучении и исследовать *через* нее – в ее осуществлении – психику, сознание. Совершенно очевидно, что категория деятельности уже в 1920-е годы была осмыслена и разработана Рубинштейном (о чем свидетельствует статья «Принцип творческой самодеятельности», 1922). Что касается общепринятой философской формулы деятельности, то она носила более абстрактный характер и в советской философии сводилась к формуле «цель – средство – результат».

Таким образом, схема нашего исследования творчества С. Л. Рубинштейна охватывает:

1. Детальный анализ раннего этапа (1910–1920-е годы) творческого пути С. Л. Рубинштейна как философского, обеспечивающего методологические предпосылки, *основания перехода* к философско-методологическому и собственно психологическому этапу (1930-е годы).
2. Раскрытие внутренней взаимосвязи разработанных в этот период *методологических принципов* (имплицитных и эксплицитных) как *способов* психологического познания (теоретического и эмпирического).
3. Исследование *перехода* от психологического *познания* к построению *основ* психологической *науки* как соотношения процессуального и результативного в науке, *исследуемого* и уже определенного, познанного *знания*.
4. Анализ изменений статуса психологической науки на основе идей, представленных С. Л. Рубинштейном в «Основах общей психологии» в контексте ее социальной детерминации (1940–1950-е годы).
5. Сохранение и развитие рубинштейновской концепции в психологии и философии как радикально нового этапа психологической науки и обоснование его философской парадигмы.

Данное исследование охватывает практически *все этапы* жизненного и творческого пути С. Л. Рубинштейна, но представляет их не только и не столько в биографическом плане и последовательности, а в той смысловой связи, которая определилась замыслом С. Л. Рубинштейна, научной, философской целью его жизни и творчества. Текст работы частично имеет методологический, *интерпретационный* и *описательный характер*, поскольку максимально насыщен идеями С. Л. Рубинштейна и содержит сравнение трех трудов – «Основы психологии» (1935), «Основы общей психологии» (1940, 1946) и «Бытие и сознание» – и.

Исследование опирается на труды школы С. Л. Рубинштейна, на системный подход, разработанный в пострубинштейновский период Б. Ф. Ломовым, его школой в общей и исторической психологии (В. А. Кольцова и др.), поэтому оно и исторично (ретроспективно), и современно (перспективно).

Глава I. Ранняя концепция философской антропологии и онтологии С. Л. Рубинштейна как основание методологии точных, социальных и гуманитарных наук

1. Философская антропология в онтологической концепции С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов

Борьба идеалистического и материалистического философского мировоззрения привела к утверждению последнего в связи с марксовской концепцией и революцией. Значимость, «первичность» бытия была доказана жизненной необходимостью производственных, экономических отношений, капитала, а психологическая реальность бытия общества – трудом индивидов, классовой борьбой людей за власть и капитал. Одновременно с этой победой, реализованной в Советском Союзе, оказались изничтоженными связанные с идеализмом ценности духовности, нравственности, все то, что философски отстаивалось Гегелем, Кантом, Спинозой, а личность превратилась (по словам Маркса) в жертву истории.

Попытки вывести на сцену *человека* не только как производительную силу, «придаток своего труда» не удалось ни философской антропологии, ни экзистенциализму в силу абстрактности рассмотрения, отрыва друг от друга его разных качеств. Они не осуществили интеграцию его бытия и духа, сознания, не смогли найти то его место в жизни, бытии, которое позволило бы восстановить его конкретную целостность.

Материалистическое направление философии, опиравшееся и на метафизическое, и на научное мышление, на представления точных наук, в силу отличия их от гуманитарных и при определенной разобщенности не могло привести к представлению о целостности бытия, тем более – охватить синтезом или обобщением его многообразие. Невозможной представлялась идея включения в бытие человека. *Целостность*, к которой тяготела философская мысль была присуща только сознанию, душе, а последние относились к сфере абстракций идеализма. Все это служило непреодолимым препятствием к тому, чтобы ввести человека в бытие в качестве *демиурга начала*, интегрирующего дух и материю, представить его бытие и сознание как целостность. Для этого необходимо было преодолеть сложившееся веками противопоставление сознания и бытия в идеализме и материализме. Нужно было сломать эту вековую, ставшую уже аксиомой конструкцию философии, причем сломать сразу в нескольких звеньях: на место *сознания* поставить *человека*, определить сознание как свойство, качество человека, а затем предложить *противоположную парадигму – их единства*. Иными словами, рассуждая в материалистических формулах, нужно было не только *заменить сознание человеком*, но и представить все уравнение в другом качестве вместо противоположности – единстве их составляющих, целостности человека.

Но для этого было необходимо и еще одно преобразование – превращение человека из безжизненной абстракции в бытийствующего, существующего, живущего и мыслящего, т. е. обладающего и *реальностью*, и *идеальностью* своего бытия. Попытки *философии жизни* и позднейшего экзистенциализма ввести категорию жизни в состав философских категорий, сделать ее предметом философского анализа терялись в поисках ее «единиц», качеств или сводили жизнь к существованию, обладающему лишь некими признаками человеческого (свобода, выбор и т. д.) или определяли жизнь только как противоположность смерти (бытие – небытию) и т. д. Именно *поэтому центральными категориями экзистенциализма оказались жизнь и смерть*, а не человек и его бытие в бытии вселенной, природы.

Чтобы заменить противостояние сознания и бытия единством человека и бытия, было необходимо раскрыть качество бытия человека так, чтобы оно включалось в бытие в целом. Таковы были проблемы, осознанные С. Л. Рубинштейном, едва перешагнувшим порог своего двадцатилетия, находившегося в духовной и философской атмосфере Марбургской школы со всеми присущими ей противоречиями⁶. С одной стороны, эпигонство по отношению к высокой классике (Кант, Гегель), с другой, поиски соединения – опоры философии на науку, единого метода точного и гуманитарного знания, номотетического и идеографического подходов, с третьей, при непонимании политэкономии марксизма принятие его гуманизма (Г. Коген). Рубинштейн вплотную сталкивается с противоречиями и философско-научного мировоззрения эпохи – полифоничностью, множественностью, стремлением к конкретности, с одной стороны, и тяготением к синтезу, единству, целостности, с другой.

Сознавая необходимость их разрешения, он и осуществляет свое философское открытие. Несомненно, что наиболее трудным, при нахождении в стенах Марбургской школы, стремящейся возродить на новой основе учение Канта, оказалось преодоление его положения о бытии как *внешней* данности объекта, о *внешности* соотношения познания и объекта.

С. Л. Рубинштейн «встраивает» бытие человека «внутри» бытия, в целом – всей Вселенной. Но человек включается им в бытие не в качестве еще одного рядоположенного другим объекта. Реализация человеком своей особой позиции в бытии осуществляется им как *субъектом*, проникающим своим познанием в сущность объекта («внутри»), преобразующим, внедряющимся своим действием в объективную действительность, воздействующим на другого человека, усиливая, поддерживая сущность последнего. Основные идеи, объединенные в целостную систему философской антропологии, разработанную на *принципиально новой онтологической основе*, С. Л. Рубинштейн формулирует в работе, условно обозначенной «Ранние рукописи», относящейся к периоду 1910–1920-х годов: марбургского и постмарбургского – одесского этапа становления его как философа⁷.

С. Л. Рубинштейн пишет:

«1) Отношение мое к человеку (щедрость, искренность) – вот это не что иное, как „раскрепощение“ бытия другого человека в результате не отчуждения, а соучастия; в результате моего отношения он не сводится к совокупности отношений, а обретает бытие в себе.

2) Мое действие: его *внутреннее содержание* (курсив мой. – А. С.) образует то отношение, которым формируется и тот, на которого оно направлено, и я сам.

3) Природа людских отношений и чувств (любовь).

Бытие объекта этого воздействия и отношения, его преобразование и изменение, когда, вызывая в моем действии его данность, я реализую его сущность.

---

⁶ В биографиях С. Л. Рубинштейна, опубликованных его непосредственными учениками К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским, а также украинским психологом В. А. Роменцом, изучавшим одесский архив С. Л. Рубинштейна, и автором настоящей книги, изучавшим ранний период творчества С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов (по московскому архиву, хранящемуся в Государственной Ленинской библиотеке), отмечаются факты первого этапа его жизненного пути: отказ царя на прошение С. Л. Рубинштейна разрешить ему поступить в Московский университет (это было запрещено лицам еврейского происхождения), а также нежелание самого Сергея Леонидовича поступить в Одесский университет, который он в своих дневниках называет «кулачьим», и отъезд в Германию, где он, слушая лекции в Берлинском, Фрейсбургском, Марбургском университетах, получил свое образование. Его учителями и наставниками становятся «патеры» Марбургской школы Г. Коген и П. Наторп. В 1914 г. он защищает и публикует свою докторскую диссертацию на тему «Eine Studie zum Probleme der Methode». Уже в ней он вступает в полемику с основными канонами Марбургской школы (Абульханова, Славская, 2010).

⁷ 1. Эта работа, изложенная в 4 объемных тетрадах, расшифрована К. А. Абульхановой только частично и опубликована. Большая часть работы до сих пор не расшифрована (и не опубликована) в силу ряда трудностей. Однако К. А. Абульханова, зная способность своего учителя излагать целостную систему, справедливо представила этот текст как емкое изложение всей концепции. По этой причине мы при цитировании опираемся на текст С. Л. Рубинштейна, опубликованный К. А. Абульхановой (Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы, 1989. С. 19–20).

4) Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него, преодолевающее его отчужденность, негативную независимость при всех отношениях данности, вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая и в условиях его существования, и в нем самом то, что искажает его человеческую сущность, таким образом утверждать его бытие. Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере я – через него)⁸.

5) Бытие субъекта: оно в этом действии не только проявляется, но и формируется; сама сущность его не только реализуется, не только формируется и развивается, но и изменяется (искажается или поднимается на высшую ступень). Расхождение (и схождение) сущности и ее осуществления раскрывается через *действие субъекта* (курсив мой. – А. С.) в виде должностояния, которое реализуется волей человека, поскольку она общественная воля.

Принцип усиления моим действием бытия другого субъекта по существу аналогичен идеальному отношению познания к объекту. Подлинность бытия объекта – не в его внешней данности и независимости в этом смысле от познания, а в закономерности, „обоснованности“ субъектом его содержания. Поэтому, когда познание взрывает независимость от субъекта, внешнюю данность объекта, он (объект) в этом процессе познания, проникающего в свой предмет, не теряет, а обретает свое подлинное бытие. Таким образом *теория познания и теория действия исходят из того же принципа* (курсив мой. – А. С.). К тому же сам процесс познания своими истоками и результатами включается в процесс действия» (Абульханова, 1989, с. 19–20)⁹.

Кроме этой рукописи, своеобразной «аннотацией» Рубинштейна всей своей философской концепции является статья 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности».

Итак, уже в своей самой ранней работе С. Л. Рубинштейн раскрывает категорию человека как *субъекта в триаде* его отношений с бытием – этического, познавательного, деятельностного, т. е. отношений к другому человеку, к объекту познания и деятельности как преобразующее бытие отношение. Последовательность рассмотрения этих отношений начинается не с познания, а именно с этического отношения.

Во-первых, это навеяно идеями Марбургской школы, прежде всего Г. Когена. Идеи рубинштейновской философской системы в скрытом виде заключены и в его статье, посвященной Г. Когену в ее собственно философской и этической части. Последний, развивая кантовский нравственный императив и принцип автономии в этике, создает концепцию этического социализма. Подробный анализ этой концепции и ее критическая интерпретация дается в специальной статье С. Л. Рубинштейна «О философской системе Г. Когена», написанной позднее.

Во-вторых, Рубинштейн разрабатывает онтологическую концепцию. В ней он *сразу* реализует *монистический* подход к человеку как субъекту. Триада же его отношений, кроме того, начинается с этической проблемы, потому что в этической концепции Когена отсутствует главное – характер отношения к другому человеку, а именно любовь как деятельностное позитивное поддержание, усиление его сущности. Если Коген в конце концов сближает субъекта с юридическим лицом, а его деяние – с правовым, то Рубинштейн не только не обедняет этическое, сводя его к законодательному праву, но наполняет его нравственно позитивным – помогающим другому действием, заботой о достижении другим своей истинной сущности.

Критика Когена в подробном развернутом виде представлена Рубинштейном в статье «О философской системе Г. Когена», посвященной проблемам познания, логики, научного

---

⁸ 2. На полях: «Отсюда развитие педагогики иного стиля: формирование человека через отношение к нему, воздействие на него».

⁹ В статье К. А. Абульхановой в сборнике «Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы» (М., 1989) впервые цитируются отрывки из ранних философских рукописей С. Л. Рубинштейна. К их числу относится отрывок на с. 27–28.

познания и этики¹⁰. Коген, согласно Рубинштейну, ставит своей задачей возрождение кантовской системы, но, кроме ее решения, он восстанавливает «основные мотивы идеалистических систем послекантовской философии, особенно... фихтевской и гегелевской, вплоть до фихтевского понятия порождения» (Рубинштейн, 2003б, с. 431–432).

Не воспроизводя всех сложнейших ходов рубинштейновской мысли, содержащих критику когеновской системы познания, сводящейся к тезису о порождении мыслью содержания бытия, отметим лишь те основные понятия, которые С. Л. Рубинштейн, вскрывая их приемлемую когеновскую трактовку, впоследствии сам разрабатывает в собственной концепции. Это понятие «конструктивности» самого содержания мысли, соотношения понятий «логика» и «онтология», а также – главное – соотношение понятий «логика» и «наука». Последнее чрезвычайно важно в плане раскрытия логики развития концепции С. Л. Рубинштейна: он строит не замкнутую в себе философскую систему познания, поскольку ему не удается вскрыть адекватное соотношение познания и бытия, а рассматривает последнее, отправляясь от познания, которое осуществляется наукой (*всеми* науками, которые неслучайно привлекали его внимание, не акцентируя их различий как гуманитарных, точных и социальных), а акцентируя непосредственность их выхода в действительность, бытие в его многообразии. Здесь лежит ключ к пониманию исследовательской логики всего дальнейшего научного пути С. Л. Рубинштейна: опоры на психологию как научную основу доказательности своей философской системы. Это положение он формулирует как свой вывод из критической интерпретации когеновской теории. Он пишет: «Лишь в систематическом единстве познания, лишь в единстве логики и науки обосновывается познание в науке и научность всего познания» (там же, с. 442).

Вторая часть статьи посвящена критическому анализу *этической* системы Г. Когена. Очевидно, что обращение С. Л. Рубинштейна к этическим проблемам началось гораздо раньше, и не только в период освоения идей Марбургской школы в студенческий период, а еще в юношеском возрасте при его осмыслении идей российской философии, идей Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, российского экзистенциализма. Но в данной статье – при неприятии когеновской этической парадигмы – прежде всего осуществляемого Когеном сближение этики и права, этики и закона, Рубинштейн, считая эпицентром этического самого человека, субъекта, опять-таки и в своей этике (о чем свидетельствует далее приводимое нами содержание его «ранних рукописей» и статья «Принцип творческой самодеятельности», 1922) использует термины, понятия, присущие когеновской этике. Это понятия «субъект», его «нравственные поступки» и «нравственные деяния», «свобода». Но в отличие от формализованной, т. е. построенной на сближении этики и закона, когеновской концепции, Рубинштейн формулирует здесь свою позицию: «Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые осуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека *предполагает другого человека как другой этический субъект*. Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как к *личности* (курсив мой. – А. С.)... Деяние есть лишь в отношении человека к человеку, и в отношении человека к человеку есть только деяние. Итак, *деяние предполагает другого человека*. Но субъект для своего самоопределения и самоосуществления *предполагает деяние*... Самоопределение делает абсолютно очевидным, что этический субъект не есть изолированный индивидуум, это был бы абстрактный индивидуум, т. е. абстракция, а не индивидуум. Я не существую без другого, я и другой сопринадлежны» (Рубинштейн, 2003б, с. 446–447). Эту идею С. Л. Рубинштейн излагает в своем последнем труде «Человек и мир», раскрывая ее конкретно в отношении человека к «ближнему» и «дальному». Но здесь присутствует и другая – более общая идея, которая не найдет своего развития и даже воспроизведения в последнем труде, – идея о том, что этический субъект самоопределяется в своих отношениях не только к другому, но к людям, «к человечеству как совокупности и единству всех

¹⁰ Детальный анализ этой статьи, проделанный при работе с архивом, представлен в дипломной работе автора.

людей» (там же). В статье о Когене это единство раскрывается в религиозном монотеизме – единстве человечества как единство Бога, что было, по-видимому, неприемлемо для мировоззрения С. Л. Рубинштейна, как и когеновская идея социализма, построенного на этической основе. В «Человеке и мире» в разделе «Этика и политика» он прямо пишет, вероятно уже не рассчитывая на то, что этот его труд увидит свет, что идеология социализма бесчеловечна, т. е. она отрицает всякое этическое основание. Однако, кроме этих мировоззренческих категорий и суждений, в данной статье есть еще одно – более конкретное понятие, которое затем выйдет в круг идей о единстве этики и психологии, проблем воспитания. Это понятие „задачи“, которую «каждый субъект в каждом деянии должен разрешить вновь» (Рубинштейн, 2003б). И это понятие, будучи обобщено, войдет и в определение субъекта не как представляющего собой нравственное совершенство, а как человека, постоянно решающего широкий круг жизненных задач (К. А. Абульханова)¹¹.

Не менее существенно в рубинштейновском понимании его определение этического как *деяния* субъектом *добра*, а не просто как созерцательного отношения к другому человеку. Здесь важны и *действенность* этического отношения субъекта, и одновременно *связь* с деятельностью *как таковой*. Затем она выступает как самостоятельная категория во взаимодействии субъекта с миром. Рубинштейн не умозрительно утверждает их единство, а раскрывая *онтологию* этического и всех остальных отношений и проявлений субъекта.

Первоначально – в ранних рукописях – С. Л. Рубинштейн включает в этическое и *эстетическое* отношение (к другому человеку), понимая его красоту как *совершенство*, совершенство сущего. Он пишет: «Эстетическое – первый пласт в построении совершенного сущего. Красота – его (сущего. – А. С.) совершенство в организации физико-душевного, которое, как и совершенство в душевно-духовной области – добро, есть *совершенство организации*. В нем выражается основная его *онтологическая* закладка и структура, повадки, темп и ритм и архитектура пластики человеческого существа... Красота – абсолютная завершенность бытийности» (Абульханова, 1989, с. 23, см. сноску 9; курсив мой. – А. С.). Соединяя нравственное и эстетическое отношение, Рубинштейн пишет: «Нравственное деяние не обозначает пользу или счастье человека, оно должно дать *бытие* человеку. Любовь есть созерцание и утверждение совершенства» (там же).

В этом небольшом отрывке Рубинштейн своим слогом, обозначая проблемы жизни, формулирует глубочайшую философскую идею. Казалось бы, он пишет о человеческом общении, о любви к другому человеку – о чувстве. За этим чувством, за поверхностью или глубиной человеческих отношений он выводит на свет главное – их *реальность*. В отношениях субъекта к другому человеку он видит не лежащую на поверхности их обыденность: субъект способен

¹¹ Завершая анализ статьи Рубинштейна «О философской системе Г. Когена» (В кн.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. М. – СПб. – Нижний Новгород и др., 2003. С. 428–451), можно добавить несколько слов в связи с нашей с О. Н. Бредихиной дискуссией о дате ее написания и публикации. Я, впервые ознакомив философско-психологическое сообщество с этой статьей в 1989 г. в коллективной монографии «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии» (1989), высказала предположение, что статья написана к 80-летию юбилею Г. Когена, который родился в 1842 г., т. е. в 1922 г., ссылаясь и на то, что в том же году была опубликована и статья М. И. Кагана «Герман Коген», явно приуроченная к этому юбилею. О. Н. Бредихина же полагает, что статья была написана в 1918 г., когда не стало Когена, и приурочена к его кончине. В соответствии с этим Бредихина самостоятельно, значительно опережая академическое издание, публикует статью Когена в «Историко-философском ежегоднике» 1994 г. Сегодня представляется, что продолжение этой дискуссии бесполезно, поэтому уже в 1997 г. при публикации этой статьи в книге С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» мы не стали отвечать на соображения Бредихиной. Но, зная достаточно детально обстановку в Одессе в 1918 г. (см.: Абульханова, Славская, 2010), трудно предположить, что С. Л. Рубинштейн в этот период мог столь глубоко, детально писать о концепции Г. Когена. Даже если допустить, что он мог написать статью, несвоевременно было в разгар революции публиковать ее. Близость идей и понятий статьи о Когене со статьей 1922 г. и оптимистичность в воссоздании образов своих первых и любимых наставников – Н. Н. Ланге и Г. Когена – свидетельствуют о том, что, скорее всего, все три статьи – «Принцип творческой самостоятельности», «О философской системе Г. Когена» и некролог на смерть Н. Н. Ланге – написаны в 1922 г. как своеобразная трилогия, в центре которой – концепция С. Л. Рубинштейна «Принцип творческой самостоятельности», критическим контекстом которой служат психологическая концепция Н. Н. Ланге и философская концепция Г. Когена.

реально *изменить* другого человека. Не просто осудить или одобрить его, не просто поддержать или повлиять. В жизни часто обсуждается вопрос: можно ли и нужно ли изменить другого? Здесь же – не изменить (как ты считаешь нужным), а постичь *сущность* другого своим отношением, своей любовью укрепить лучшее в человеке, *усилить его сущность*. Здесь видна прямая аналогия с деятельностью, которая не идеально, а *реально изменяет* действительность. Но за этим деянием по отношению к другому человеку раскрывается фундаментальнейшая мысль: все – и человек, и его деятельность, и его отношение к другому – *реальность*. Философски это означает утверждение *онтологичности, объективности* человека как *субъекта*.

«Поступки мои, – пишет он далее, – и выражающееся в них мое отношение к другим людям (составляющим их внутреннее содержание) ставят других людей в новые условия и новые отношения ко мне (другим людям) – таким опосредственным образом обуславливают изменение жизни, деятельности и отношений других людей, через эту изменяемую их деятельность происходит дальнейшее формирование людей... При этом в формировании как моем, так и другого человека, в процессе моего воздействия на него и его мной обусловленных деяний речь идет о диалектике сущности и ее осуществления (причем в процессе своего *осуществления сущность не только осуществляется, но и изменяется*: то искажается, то переходит на другую – высшую – ступень, в более совершенную сущность)... Любовь – когда человек в своей индивидуальности становится для меня завершенной *реальностью*, перестает быть только частью среды, одним из элементов или определенных величин мира, а выделяется как самостоятельная реальность, как завершенное совершенное в себе бытие» (там же, с. 23–24; курсив мой. – А. С.).

Таким образом, уже на самом первом, самом раннем этапе своего творчества Рубинштейн создает совершенно *новую онтологическую концепцию*. Она противостоит абсолютизации сознания, духа как неких, говоря современным языком, виртуальностей, существующих в отрыве от человека. Ядром его концепции является субъект – деятельный и этически действительно относящийся к другому человеку. Это новая *интерпретация* философской антропологии, традиционно раздробившей человека на отдельные качества и, главное, лишаящей его собственного бытия и способности реализовать в бытии себя, свою сущность и сущность другого.

Много лет спустя совместно с Е. В. Гордиенко мы провели исследование (под руководством К. А. Абульхановой) так называемых экспектаций, т. е. личностных *ожиданий* отношений со стороны других людей, представлений о том, как относятся ко мне (к данной личности) родители, дети, друзья и т. д. Эти представления, конечно, у многих отличались от того, как реально относились ко мне эти люди. Это были мысли, т. е. идеальные представления об их отношениях, но не реальность последних. Одни типы личностей предпочитали относиться к другим в соответствии с этими своими представлениями, не затрудняя себя выяснением реального отношения – иногда простого, иногда сложного, иногда дружелюбного, заботливого, иногда негативного, завистливого, иногда равнодушного – их отношения к себе на *самом деле*. И тогда фактически сами относились к ним как бы «с закрытыми глазами»: их представления расходились с реалиями отношений других. Но задайся они вопросом – как соотносятся друг с другом их мысли об отношении к ним и реальные отношения, они имели бы возможность понять и сущность, характер каждого человека (что он скрывает в своем отношении, чего добивается, что оно ему дает и т. д.). И только так, опосредованно, через осознание соотношения идеального и реального, можно, по-видимому, построить свое отношение к другому человеку, стремясь к идеалу, намеченному Рубинштейном.

Философски здесь речь идет о *сущности* и ее деятельном *осуществлении* субъектом в отношении к другому человеку.

Если недавно, еще находясь под некоторым влиянием Г. Когена, Рубинштейн подчеркивал качество *необходимости*, присущее этическому отношению как универсально-всеобщему,

общественно-законодательному (по Когену), а не активности, то позднее акцент ставится на *творческой* сущности субъекта, воплощающейся в категории «самодеятельности». Соответствует новому взгляду и название опубликованной в 1922 г. статьи «Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики». В ней Рубинштейн кратко излагает просpekt ранее уже раскрытой философской антропологической концепции. Философские концепции человека – философская антропология – давали разорванное представление, отрывали объект исследования от жизни, бытия. Рубинштейн не только ставит человека на его земную основу, не только включает его в бытие в целом (обозначая его понятием «онтология»). Он рассматривает описанные выше отношения человека как реальные, жизненные, онтологические. Так он соединяет онтологию как учение о бытии в целом и философскую антропологию – учение о бытии человека, который живет, реально относится к людям, действует. В этом заключается его специфическое человеческое бытие. Для его характеристики он преимущественно пользуется не столько понятием онтологического, сколько – *объективного*. Одновременно он конкретизирует понятие субъекта.

Если в ранних рукописях Рубинштейна в центре стоит проблема человека как субъекта в его *отношениях* к действительности, то в данной статье¹², продолжая отстаивать эту концепцию и глубже раскрывая смысл категории субъекта, он ставит акцент на *другую зависимость*. Здесь речь идет об *исходящих от субъекта деяниях и отношениях* к миру, и одновременно в данной статье он подчеркивает и *обратную* зависимость: *влияние его деяний на субъекта*. «Но если субъект лишь проявляется в своих деяниях, – пишет он, – а не ими также сам создается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний и, значит, независимо от них» (Рубинштейн, 1922, с. 153). Итак, во-первых, Рубинштейн выступает против того, чтобы оторвать от личности ее деяния – ее действия. Во-вторых, он продолжает «видеть в деяниях только проявления субъекта, – отрицать *обратное воздействие их на него* – значит, разрушать единство личности... Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них *создается и определяется*» (там же). Говоря о субъекте, он видит его воплощение в личности большого художника – творца, работающего над своим творением. «В творчестве создается и сам творец» (там же, с. 154; курсив мой. – А. С.). В данной философско-психолого-педагогической работе речь идет о субъекте, его деятельности, о личности, ее проявлениях в действиях и о *ее развитии*.

Категория субъекта в данной статье включила и направление *исходящей от субъекта* активности, проявляющейся в деятельности, познании, этическом отношении, и *обратное направление* – к субъекту – влияние осуществляемой им деятельности (и других отношений) на его *развитие*. Добавим, что деятельность влияет и на его последующую активность. Рубинштейн обозначил ее как *творческую самодеятельность*. При этом подразумевается, что субъекта развивает: 1) сама осуществляемая (организуемая) им *деятельность*; 2) творческий процесс ее *осуществления*; 3) *ее результат* – *измененная* этой деятельностью *действительность* (это потребует и нового познания и дальнейшей деятельности); 4) *удовлетворение* субъекта этим результатом как подтверждение его способности. Казалось бы, здесь ставятся сугубо философские вопросы – о субъекте и – крупным планом – о его деятельности. (Напомним, что в «Ранних рукописях» на первом плане было раскрытие этического отношения к другому человеку.) Сам субъект действует творчески, и такая деятельность, в свою очередь, *развивает* не только его способность, но и его самого как творца. Таким образом, С. Л. Рубинштейн последовательно и непрерывно – от одного труда к другому – рассматривает субъекта через его отношения: сначала этическое к другому человеку, затем – *деятельное*. В этой же статье он

¹² В Примечании к статье он пишет: «Размышления об объективности, приводимые в этой небольшой, случайного происхождения, статье, заимствованы мной из главы II „Идея знания“ моей работы. Заимствования эти представляют из себя краткие, но местами текстуальные выдержки. Я поэтому считаю нужным здесь оговорить, хотя и не знаю, когда мне представится возможность эту работу напечатать» (Рубинштейн, 1922, с. 154).

ищет путь, подступ к третьему – познавательному отношению. Почему – в последнюю очередь? Понять нетрудно: идеалистическая гносеология все свела к познанию, поглотила и субъекта, и его деятельность, и в конечном итоге познаваемый объект. В связи с этим важен онтологический подход к раскрытию объективности познания.

Вся статья, как следует из подзаголовка, как будто в основном посвящена проблемам педагогики, а по существу и проблемам познания, т. е. *передачи знания*, и проблемам воспитания как совершенствования человека. Проблемам педагогики Рубинштейн в этот период и теоретически, и практически уделяет основное внимание в связи с задачами организации высшей школы в Одессе. Он обращается к проблеме *познания* в аспекте обучения и способа усвоения знаний. Ссылаясь на Платона, он пишет: «Знание не сообщается как бы переливанием из одного сосуда в другой, учиться – значит самому у себя находить, овладевать своим собственным познанием» (там же, с. 148). Можно сказать, обнаруживается конкретный субъект познания. Далее учение мыслится как *совместное исследование* (познание): «вместо догматического сообщения и догматической рецепции готовых результатов – *совместное* прохождение того пути, открытия и исследования, который к ним приводит» (там же). Эту же мысль он сформулировал в статье, обобщающей педагогические работы своего учителя Г. Когена. Рубинштейн назвал искусством организации обучения процесс *совместного* познания под руководством наставника, прохождения всего хода его *мысли* (та совместность познания, которую умел организовать Коген). Здесь имеется в виду двоякого рода совместность – учение как прохождение учащимся совместно с наставником процесса познания (а не усвоение готовой мысли) и совместное мышление преподавателя и слушателей¹³.

Стоит обратить внимание на то, каким конкретным способом представляет здесь Рубинштейн абстракцию познания. Он включает его в конкретную реальность педагогического процесса. А в этой реальности он рассуждает не об *усвоении* знаний, а именно о процессе познания, осуществляемом субъектом – слушателями, автором и педагогом. Все эти связи он сумел увидеть и раскрыть, рассматривая педагогическое искусство своего учителя. Таким образом, во-первых, познание здесь уже связано с субъектами. Во-вторых, Коген так умел построить процесс учения, что учащиеся получали не готовые результаты авторской мысли, а совместно с ним воспроизводили ход его мысли, т. е. познание осуществлялось как *процесс*. В-третьих, обучая при этом своих студентов умению думать, мыслить, он проходил весь путь авторской мысли совместно с ними. Познание здесь связано и с особыми отношениями субъектов в его процессе.

И на основе этой конкретизации Рубинштейн формулирует альтернативу всей созерцательной, *рецептивной* (термин Рубинштейна) позитивистской теории познания, в которой «объективность знания полагается в независимости его предмета от познания» (добавим: и от его субъекта). Можно сказать, что объективность истины не в независимости от познающего субъекта, а в результате раскрытия *им* в процессе познания *сущности объекта*, поскольку она не совпадает с его эмпирической данностью. Необходимо преобразование субъектом объекта в процессе его познания. «Система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов, копирование данных образов, – продолжает Рубинштейн, – одна лишь бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – развитие *творческой самодеятельности*» (там же). И далее: «На основе творческой самодеятельности субъекта стремится современная педагогика построить процесс и всю систему образования» (там же).

¹³ Опираясь на употребляемое здесь С. Л. Рубинштейном понятие совместности применительно к познанию (учению), А. Л. Журавлев экстраполировал его на определение деятельности, которая долгое время в психологии рассматривалась только как индивидуальная.

Рубинштейн утверждает творческий характер любого познания – осуществляется ли оно ученым или его учениками, он пишет, что человек «не только объект воспитания, но и субъект, у которого происходит внутренняя *работа* над тем, что он воспринимает». Нетрудно увидеть, что здесь слово «работа» означает «деятельность», тем самым деятельность сближается с познанием, а мысленное, идеальное, в свою очередь, онтологизируется. Итак, основная идея статьи – субъект деятельности, ее творческий характер и развитие ее творца. Деятельность осуществляется и субъектами – студентами совместно с наставником, и учителем, проходящими процесс познания, совместного мышления. Здесь дается и критика рецептивности традиционной дидактики, отрицающей и мысль, познание, происходящие в процессе обучения, и их самих как субъектов. Так Рубинштейн наметил путь к еще более детальному анализу познания, уже как научного, в цикле статей 1920-х годов. Поскольку первый круг идей этой статьи непосредственно примыкает к нескольким другим неопубликованным статьям, посвященным проблемам познания, научного познания, знания, науки, мы проанализируем их ниже. Тем более что, согласно примечанию Рубинштейна, данная статья и несколько неопубликованных составляли главы одной книги.

Как отмечает К. А. Абульханова в комментариях к 3-му изданию фундаментального труда «Основы общей психологии», развитие впервые раскрывается с диалектико-материалистических позиций *в совершенно новом качестве – не как поступательное линейное*, где каждая последующая стадия следует из предыдущей, но носящая характер одновременного *обратного воздействия* последующего действия, но не только на предыдущее, а на самого *субъекта* этого действия. Как мы увидим далее, это понимание развития Рубинштейн сближает с понятием функционирования¹⁴, рассматривая самореализацию в деятельности как функционирование некой системы, в которой личность становится субъектом. Заметим, что позднее, в связи с его обращением к марксову понятию труда и его собственной, опирающейся на идеи 1920-х годов трактовке, С. Л. Рубинштейн поднялся к более философскому и обобщенному понятию деятельности. Последнее имплицитно предполагало и то, что не всякая деятельность *развивает* личность, т. е. превращает ее в субъекта. Однако это ограничение, связанное с социальной конкретизацией философской проблемы, отнюдь не снимает принципиального положения Рубинштейна, что в деятельности *возможно развитие* личности. Разумеется, для дальнейшей его теоретико-эмпирической конкретизации требуется выявление того, при *каких* условиях, способах, виде деятельности, какая личность способна в ней развиваться.

Здесь в единстве представлены проблемы: *субъекта деятельности, развития и личности* — все те принципы, которые в будущем Рубинштейн *разовьет как отдельные звенья своей целостной и одновременно разветвленной концепции*. Очень важно отметить именно внутреннюю взаимосвязь идей С. Л. Рубинштейна, представленных в этой небольшой программной статье. А также то, что проблемы познания переключены в контекст задач *педагогики* (чтобы доказать активность познания и совместность субъектов познания). В число важнейших из них входят и задачи *воспитания*, прежде всего морального, нравственного, этического (так протягивается нить к проблеме этических отношений субъекта в «Ранних рукописях»). Личность же выступает и как субъект познания, и как субъект воспитания, и как субъект этический в своих нравственных деяниях, и как субъект *творческой самодеятельности*.

Позже Рубинштейн ввел в психологию как основополагающий методологический *принцип единства сознания и деятельности*. Здесь же проявляется общий философский принцип субъекта в более конкретных отношениях – этического, познания, *деятельности*. Поскольку впоследствии «уравнение» методологического принципа включало только *связь сознания и деятельности*, но не субъекта, можно предположить, что последний сохранился как имплицитный (как уже само собой разумеющийся) в трактовке этой связи. Ведь уже на основе анализа

¹⁴ Принципиально отличным от понятия функции в функциональной психологии.

работ 1920-х годов видно, что Рубинштейн доказал: не сознание является демиургом, субъектом, а в этом качестве выступает *человек, обладающий сознанием*. Однако понятие сознания не является одним из ведущих в 1920-х годах, таким оно становится в единстве с деятельностью в последующие периоды – в 1930-е, 1940-е, 1950-е годы: в 1930-е и 1940-е оно включается в принцип единства сознания и деятельности; в 1950-е годы входит в заглавие монографии «Бытие и сознание» (1957).

Как соотносил С. Л. Рубинштейн понятия сознания и познания? Очевидно, что употребление первого исходило из философской (прежде всего, гегелевской традиции). Идею замкнутого в себе, объясняемого из себя самого *сознания* разрабатывал и Э. Гуссерль, принадлежавший к Марбургской школе, которая сводила все к субъективности. Рубинштейн выдвинул принцип субъекта, который определяется онтологически (объективно) как альтернатива субъекту сознания. Однако в 1920-х годах на первом плане его исследования оказывается *познание*, причем познание, как мы увидим, скорее, не как чисто философская гносеологическая проблема, а как проблема мышления, метода и методологии познания. В поисках метода Рубинштейн отталкивается и от идей Марбургской школы, и от своего желания доказать не фиктивную феноменологическую роль познания, а его «работу», т. е. своего рода субъектно-деятельную сущность.

2. Философское и научное определение познания и методологии наук в концепции 1920-х годов

Анализируя ранний период творчества С. Л. Рубинштейна, мы первоначально исходили, прежде всего, из рассмотрения его внутренней логики и содержания («в себе»), лишь кратко обозначая его роль для последующего – психологического этапа.

К. А. Абульханова провела сопоставление «Ранних рукописей» (1910–1920-х годов) с содержанием последней рукописи, изданной ею в виде монографии «Человек и мир», и доказала принципиальное единство ранней и поздней философской концепции: в этом сопоставлении она охватила преимущественно основное ядро концепции Рубинштейна – человека, субъекта в его отношениях к миру и специфике собственного бытия – жизни.

Мы отмечали, что в «Ранних рукописях» меньше внимания уделяется анализу гносеологического отношения субъекта, его познанию. Это объясняется той задачей, которую ставил перед собой Рубинштейн как первоочередной – реализовать онтологический принцип в философской антропологии. Возможно, тогда ему еще не столь явственно представлялось соотношение гносеологического и онтологического, каким оно показано в труде «Человек и мир» (первая часть которого целиком посвящена гносеологическим проблемам).

Однако с этих позиций обращает на себя внимание то, что в статьях 1920-х годов (в отличие от «Ранних рукописей») проблема познания обсуждается очень детально. Исходя из этого, мы и ставим вопрос: были ли статьи 1920-х годов, посвященные гносеологическим проблемам, *«прологом»* первой части *«Человека и мира»*, или они имели другую направленность, *служили другим целям*. Если они были *«прологом»* к монографии «Человек и мир», то почему Рубинштейн не осуществил (как в этой последней монографии) подобного синтеза гносеологических проблем статей 1920-х годов с концепцией субъекта статьи «Принцип творческой самодеятельности» того же периода. Почему последняя оказалась как бы стоящей особняком в ряду других, хотя Рубинштейн прямо указывал, что это главы *одной* книги. И, наконец, вопрос: если статья «Принцип творческой самодеятельности» с очевидностью является предпосылкой развития проблемы деятельности в 1930-е годы (в качестве принципа единства сознания и деятельности), то для чего служат предпосылкой статьи 1920-х годов, посвященные гносеологической проблематике. (Или между ними и проблемами гносеологии в «Человеке и мире» лежит водораздел – «психологическая эпоха» 1930–1940-х годов?) Поиску ответов на эти вопросы и посвящено наше дальнейшее обращение к раннему периоду творчества С. Л. Рубинштейна.

Исследование проблем познания открывается статьей «Наука и действительность» (к основам точного знания) с пометкой «8 авторских листов»¹⁵ и представляет собой проспект *книги*, составленной уже *после* защиты докторской диссертации в Марбурге по возвращении в Одессу. Ее задачу Рубинштейн формулирует так: «...дать работу, посвященную изложению структуры *точного знания* (математики и естествознания) и *отношения его к действительности*» (с. 20; курсив мой. – А. С.). Важно отметить, что в *непосредственно примыкающих* к этой статье работах (даже небольших фрагментах): «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Программа по логике» – он обсуждает не чисто гносеологические проблемы (и связывает их уже не с усвоением знаний в процессе совместного мышления), а проблемы *научного познания*, соотношение типов знания в *разных науках*, *развития* наук и научных понятий. Рубинштейна интересует путь – метод познания. Этот круг проблем можно определить не столько *как* гносеологический, сколько *как* *логико-научный* или *научно-методологический способ научного познания*, осмысления познания как *методологии*

---

¹⁵ ГБЛ, ф. 642, картон 2, 5.

науки, как методологии ряда наук. Обобщая достижения точных наук (физики, геометрии и т. д.) и сравнивая последние с социальными науками (в основном – с концепцией К. Маркса и А. Эйнштейна, в известной степени – с идеями Г. Когена), Рубинштейн рассматривает методологию науки как методологию ряда наук. В этой группе статей исследуется своего рода операциональная «технология», конструктивные особенности и возможности методологии – метод, способ конструирования научных систем через раскрытие специфических для них отношений. В этом классе статей эксплицитно представлена методология научного познания. Здесь гносеологическая проблематика рассматривается не в философском плане как чисто познавательная (как в первом разделе книги «Человек и мир»), а более конкретно как проблематика научного познания — его методология. Это определялось и тем, что проблемы научного познания, как известно, были центральными в Марбургской школе – в ее поисках синтеза гуманитарного и точного знания, соотношения номотетического и идеографического.

Сложность поставленной и решавшейся Рубинштейном задачи определяется ее двойственностью. Во-первых, смело было предложить новое философское понимание гносеологического отношения, интерпретируя его как познание субъекта в порядке альтернативы и кантовскому, и когеновскому (как ученику и продолжателю Канта). Во-вторых, сложно было использовать те данные современных наук, которые могли бы подтвердить правоту и справедливость такой интерпретации гносеологии. В-третьих, с этих позиций надо было преодолеть кантианское и неокантианское понимание познания как научного. Наконец, в-четвертых, для того, чтобы противопоставить свое определение познания ложной субъективистской трактовке познания вообще и научного в особенности, надо было развить и доказать новое понимание сущности научного познания. На первый взгляд, интерпретация познания как научного познания и знания не представлялась собственным следующим логическим шагом в развитии концепции самого Рубинштейна, она, казалось, скорее была навязана с влиянием Марбургской научной школы.

Но тогда было бы логичнее и начать свой творческий путь с развития идей своих маститых учителей Г. Когена и П. Наторпа, лишь постепенно вырабатывая к ним свое отношение. Но, как мы видели, С. Л. Рубинштейн начинает с другого – с разработки собственной целостной философско-антропологической онтологической концепции, что свидетельствует о его выходе в более широкий историко-философский контекст, о его знаниях и истории, и современной ему философии. Он выбрал другой масштаб и уровень постановки проблемы.

Уже решив задачу создания новых философских основ в «Ранних рукописях», он ставит своей дальнейшей специальной целью найти путь и способ не столько конкретизации, сколько реорганизации своей философской системы специально для решения методологических и научных проблем. Он, как энциклопедически образованный, т. е. досконально знакомый и с проблемами современной физики, математики, химии, социологии и психологии, философ видел развертывающееся на его глазах противоречие взаимодействия и взаимовлияния развития наук и философских теорий. Используя достижения и видя кризисы современных наук (физики, психологии), он, опираясь на их достижения (принцип целостности, гештальта в психологии, теорию относительности Эйнштейна, политэкономия Маркса как научную систему и т. д.), одновременно интерпретирует их для преодоления кризисов и обеспечения конструктивности научного познания.

Задача, поставленная С. Л. Рубинштейном, – поиск обоснования перехода от проблем познания в философии к познанию в конкретных науках – объясняет науковедчески-методологическую проблематику и смысл цикла его статей 1920-х годов и одновременно их роль как основания последующего периода 1930-х годов.

Проследивая историческую логику творчества С. Л. Рубинштейна, мы предполагаем, что он не просто и не случайно перешел от фундаментальной общефилософской проблемы гносеологии к частной на ее фоне проблеме научного познания. Методология наук, по его убеж-

дению, была тем самым *переходным мостом*, т. е. способом и методом перехода от абстрактно-философского уровня к конкретно-научному.

Методология, по определению К. А. Абульхановой, представляет собой метод, транслирующий, т. е. интерпретирующий, реорганизирующий философскую концепцию так, чтобы она *содействовала* тому, как ставить и решать проблемы конкретных наук. Таким образом, в понятии методологии диалектически «снимается» (согласно гегелевскому понятию «снятия») дифференциация философской теории и метода и устанавливается их единство, которое осуществляется путем *интерпретации*. Методологически *реинтерпретация* (П. Рикёр, В. А. Кольцова) раскрывает ложность философских положений, обнаруживая в них неадекватно установленные связи. Она предъясняет доказательство иного конструктивного способа связей элементов системы познания, открывающее путь к его эвристическому осуществлению в науке.

Впервые С. Л. Рубинштейн в этих статьях рассматривает проблемы *методологии науки* и приводит философское и одновременно науковедческое *различение знания и науки*, выявляет соотношение идеального понятийно-логического и действительного объекта исследования, дает определение путей преодоления *эмпиризма* познания, определение развития познания, он прослеживает способы установления им связей понятий и категорий. При анализе наиболее перспективных областей современного ему знания (прежде всего, теории относительности) Рубинштейн выявлял его философско-методологические характеристики, которые подтверждали бы и его определение сущности метода при решении задач конкретных наук, и одновременно *критерии самой науки*. Он ставил задачу проанализировать проблемы собственно *логики науки*, подразумевая при этом не формальные логические законы, а способы установления наукой таких конкретных сфер (объектов) и *таких задач исследования*, которые для них действительно правомерны, являются *необходимыми* и *достаточными*, потому что ведут к открытию *новых* закономерностей, т. е. содержательных научных проблем, а не только оформлению готовых результатов. *Центральной для него является дилемма*, с одной стороны, *универсальность, определенность формул науки* и потому их *неизменность* как знаний, безотносительность и к познавательному процессу, и к получению *нового* в процессе познания, с другой – *развитие* познания, получение знаний о новом, а тем самым невозможность целиком опираться на универсальные готовые логические формулы.

Другой ключевой проблемой становится анализ соотношения точных и гуманитарных наук *в контексте поиска* Марбургской неокантианской школой *единого метода*. Этот круг идей разрабатывается в статьях: «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Наука и действительность», из которых последняя представляет два варианта проспекта книги, над которой работал в эти годы С. Л. Рубинштейн, и ее краткое содержание.

В первой же главе – в статье «Наука и действительность» – он ставит проблему *объективности* научного познания «в отличие от субъективности нашего знания», которая обеспечивается, как он это доказывает, *методологически*. Под объективностью он имеет в виду принцип целостности и *завершенности* системы. Свое доказательство он формулирует так: «Наука определяется как система, в которой каждый элемент определен своим отношением к другим элементам системы. *Конструктивность* самого содержания знания выражается в том, что элементы его определяются своим отношением друг к другу. Необходимо изменять не „точку зрения“ на данное содержание, а трансформировать само содержание, как делал Эйнштейн (меняя самые законы), а не как Мах (меняя только существующую на них точку зрения)».

В статье «Наука и действительность» это определение раскрывается через множество проблем, которые и стали впоследствии предметом осмысления С. Л. Рубинштейна. Если речь идет о системе *знания*, то это, согласно современной терминологии, уже совокупность *идеальных объектов*, т. е. теоретических, понятийных, категориальных, в которых объекты самой

действительности *уже преобразованы*. Но чтобы эта система не была чисто абстрактной, умозрительной, как говорит Маркс, представляясь иногда даже априорной конструкцией, первоначально наука должна идти не от изучения действительности в ее непосредственной данности, а от такого целенаправленного восприятия эмпирических явлений, которые уже гипотетически преобразованы так, что в понятиях и тем более в связях, отношениях между ними будет в будущем найдено нечто закономерное. Иными словами, восприятие уже должно быть исследованием, опирающимся на гипотезу, в свою очередь определяющую *метод восприятия*. Теория подтверждается экспериментом, но он же должен привести к теории.

«Однако, какая теория, будучи сама по себе интеллигибельной, обладала бы вечной ценностью. Если бы она была истинной не по ее наблюдаемым следствиям, а только „с точки зрения ее внутренней сущности“, то дальнейший опыт не мог бы внести никаких изменений в нашу веру в ее истинность» (Франк, 1960, с. 99). Это суждение высказано известным специалистом по физике и математике, который, так же как С. Л. Рубинштейн, хотя и с иных позиций, сомневался в конструктивности внутренней сущности самой по себе теории. Фактически приведенное определение системы науки относится скорее к *объектам* ее изучения, когда действительно ученым удастся в результате многочисленных исследований установить целостность некоторого объекта – человеческого организма и т. д. Но тогда эта целостность должна доказываться *совокупностью разных исследовательских процедур* – и теоретических, и разнообразных эмпирических, – которые не укладываются в целостную и тем более константную систему. У структуры науки нет аналогии с самой действительностью, ее объектами, хотя она их объявляет фактами. Для осмысления этой проблемы С. Л. Рубинштейн обратился к анализу теорий Г. Когена, Н. Н. Ланге и Э. Шпрангера. Рубинштейн обращается к понятию *системы*, которое в качестве центрального много позже и в совершенно иной интерпретации было разработано Б. Ф. Ломовым в созданном им системном подходе (Ломов, 1984). Понятие системы исторически возникло до Рубинштейна и до ломовского системного подхода, важно, что именно его привлечение наметило пути решения и самой гносеологической проблемы, и *проблемы методологии*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.